

УДК 1(091)

П.С. Куслий

ЗНАНИЕ, ПРОБЛЕМА ГЕТТИЕРА И НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Даны описание и критический анализ некоторых дискуссий относительно природы пропозиционального знания, имевших место в последние годы в отечественной эпистемологии. На основе исследуемого материала автор выделяет три основных подхода к определению понятия знания: стандартный (классический), философско-научный и неклассический (в том числе экстерналистский). Исследуются преимущества и недостатки каждого из них в том виде, в котором он сформулирован их сторонниками. Делаются некоторые выводы о возможных дальнейших направлениях в исследовании природы знания.

Ключевые слова: знание, проблема Геттиера, экстернализм, истина, обоснование.

В последние годы в отечественной эпистемологии появился целый ряд публикаций, посвященных исследованию вопроса о природе пропозиционального знания. Эти работы, как мне кажется, могут в известной степени рассматриваться в рамках единой исследовательской программы по переосмыслению природы этого понятия в свете современных дискуссий в мировой философии. Объединяющим фактором для многих из них, а в ряде случаев и отправной точкой исследования стала так называемая проблема Геттиера [1], вот уже почти 50 лет находящаяся в центре философских дебатов во многих странах мира. Дополнительным специфическим отличием этих работ стало также и то, что почти все их авторы в той или иной мере учитывали позиции друг друга в своих исследованиях.

В данной статье я хотел бы предложить своего рода критический обзор этой дискуссии, поскольку считаю, что в ее рамках было сформулировано несколько позиций, важных для исследования природы знания в целом и анализа проблемы Геттиера в частности, а также дополнить саму дискуссию некоторыми своими соображениями относительно природы знания, проблемы Геттиера и тех позиций, которые уже были высказаны в рамках этого продолжающегося обсуждения.

1. Знание и проблема Геттиера

1.1. Аргумент против классической концепции знания

Аргумент Э. Геттиера против классической концепции знания, согласно которой знанием является истинное обоснованное верование, представляет собой контрпримеры, призванные продемонстрировать, что при наличии истинного и обоснованного верования о чем-то субъект при этом вовсе еще может не обладать знанием. Первым и в достаточной степени показательным примером Геттиера является случай некоего Смита, который вместе с неким Джонсом является соискателем на определенную должность. При этом Смит

знает, что у Джонса в кармане есть 10 монет. Также глава компании сообщает Смиту, что должность получит Джонс. Из этого, пишет Геттиер, Смит делает обоснованное заключение, что должность получит человек, у которого в кармане 10 монет. Хитрость заключается в том, что сказанное главой компании оказывается неправдой, ибо работу в результате получает сам Смит, и к тому же у него (о чем он сам и не подозревал) в кармане тоже оказывается 10 монет. Выходит, что верование Смита о том, что должность получит человек с 10 монетами в кармане, оказывается истинным, однако его никак нельзя назвать знанием. Таким образом, согласно Геттиеру, Смит может обладать истинным обоснованным верованием, но при этом не обладать знанием (предложение «Смит знает, что работу получит человек, у которого в кармане 10 монет» нельзя признать истинным).

1.2. Экзистенциальное обобщение в эпистемических контекстах

Одна из особенностей формулируемого Геттиером аргумента заключается в переходе от

(1) Смит обоснованно считает, что Джонс получит должность и у него в кармане 10 монет,

к

(2) Смит обоснованно считает, что человек с десятью монетами в кармане получит должность.

Обоснованность этого перехода Геттиер объясняет тем, что Смит сам делает данное умозаключение и поэтому ему можно приписать, помимо первого, и второе верование. Однако сами по себе подобные переходы в семантике зачастую считаются недопустимыми. В частности, считается, что если переход от

(3) Джонс получает должность

к

(4) Существует человек, который получает должность,

является обоснованным и допустимым в силу правила экзистенциального обобщения, то этого уже нельзя сказать относительно подобного перехода внутри контекста пропозициональной установки. Иными словами, считается, что нельзя обоснованно перейти от

(5) Смит обоснованно считает, что Джонс получает должность,

к

(6) Смит обоснованно считает, что существует человек, который получает должность.

Данный запрет опирается на рассмотрение контекстов пропозициональных установок как непрозрачных, в которых не допускается квантификация, а также взаимозаменяемость кореференциальных терминов. Восходит он изначально к работам Фреге и Рассела, а также Куайна, который сформулировал его непосредственным образом (см. [2, 3]).

Мне кажется, что вопрос о допустимости экзистенциального обобщения в контекстах психических установок должен разрешаться параллельно с рассмотрением вопроса о критериях взаимозаменяемости терминов в этих контекстах. В ряде статей я пытался привести аргументы в пользу того, что если два нетавтологических термина обладают общим значением, то они должны быть взаимозаменяемы во всех контекстах (экстенциональных, модальных и психических) (см., например, [4, 5]). Данная аргументация, по сути, зависит от вопроса о том, существуют ли в языке синонимы, и, если да, то каким образом. Однако вопрос о допустимости экзистенциального обобщения в психических контекстах, кажется, может решиться и несколько проще, чем вопрос о взаимозаменяемости. Ведь здесь нет необходимости обращаться к анализу понятия синонимии. Достаточно ограничиться анализом вопроса о том, какие еще существуют причины, не позволяющие осуществлять приведенный выше переход.

К таким причинам относится принцип раскрытия кавычек, лежащий в основе запрета на экзистенциальное обобщение и взаимозаменяемость в психических контекстах. Данный принцип гласит: *Субъект S принимает «p» если, и только если он считает, что p*. Из него следует, что если Смит принимает (3), то он считает, что (3), и, соответственно, предложение (5) является истинным. Однако если Смит не принимает (4), то он не считает, что (4), и, следовательно, (6) ложно. Таким образом, вопрос о том, считает ли субъект, что p, разрешается в зависимости от того, принимает ли он «p», и наоборот¹.

Однако я считаю, что некорректность принципа раскрытия кавычек, по крайней мере, в его грубой форме, показать не так сложно. Рассмотрим ситуацию, когда некто Сидоров считает, что снег бел и принимает «Снег бел». Однако если бы «снег» обозначал траву, то Сидоров не принимал бы «Снег бел», но при этом продолжал бы считать, что снег бел. И наоборот: если бы «снег» обозначал траву, а «бел» значил зеленый, то Сидоров мог бы принимать «Снег бел», но при этом не считать, что снег бел (если бы он, скажем, жил на экваторе и по незнанию полагал бы, что снег голубой). Если сказанное верно, то нам не следует руководствоваться принципом раскрытия кавычек при обсуждении обоснованности перехода от (5) к (6).

Конечно, (3) и (4) имеют разное значение и, соответственно, их условия истинности, равно как и условия истинности у (5) и (6), будут разными. Однако отличие этого случая от примеров взаимозаменяемости тождественных терминов, по-видимому, заключается лишь в том, что тождественные термины взаимозаменяемы «в обе стороны»: вместо «a» может подставляться «b» и

¹ Многие философы, в частности С. Крипке, считают этот тезис совершенно очевидным.

наоборот, тогда как в случае с экзистенциальным обобщением подстановка допустима лишь «в одну сторону»: (4) может заменить (3), но не наоборот.

Таким образом, Геттиера вряд ли можно обвинить в необоснованности перехода от (5) к (6), тем более, что он его представляет в терминах перехода от (3) к (4), рассказывая о том, что происходит в сознании Смита. Но данное небольшое исследование семантической составляющей аргумента Геттиера важно, как мне кажется, потому, что позволяет сконструировать еще один вариант этого аргумента, который по ряду параметров может показаться более интересным.

1.3. Проблема кофемашины

Кофемашина должна продавать кофе по 50 рублей за чашку. Однако она сломана и продаст мне тот же самый кофе, даже если я введу в нее не 50 рублей, а, скажем, 10 рублей. Я ввожу в нее 50 рублей и получаю кофе. Я говорю, что она продает кофе за 50 рублей. Можно ли сказать, что я обладаю знанием о том, что кофемашина продает кофе за 50 рублей, если на самом деле для нее все равно, какую купюру я в нее ввожу?

Если под знанием мы подразумеваем знание причины, то может показаться, что в случае с кофемашиной мы имеем дело с незнанием, ведь мы, на самом деле, не знаем, как работает кофемашина. С другой стороны, может показаться и то, что в этом аргументе нет порочности выведения заключения из ложной посылки. Какой наилучший способ обосновать утверждение о том, что аппарат продает кофе за 50 рублей? Спросите любого, и он вам скажет: сунуть в аппарат пятидесятирублевую купюру и проверить. Мы делаем это и получаем свой кофе, а вместе с ним и обоснованное истинное верование, что

(7) Аппарат продает кофе за 50 рублей.

Общее обоснование здесь будет выглядеть так: (i) Я ввожу в аппарат 50 рублей и получаю кофе. (ii) Аппарат продает кофе за 50 рублей.

Однако утверждение

(8) Аппарат продает кофе, какую бы купюру в него ни ввести,

не эквивалентно (7). И если из обоснованного верования, что (8), следует обоснованное верование, что (7), то обратной зависимости здесь нет. Следовательно, знать, что (7), и знать, что (8), – это разные виды знания. В результате в случае с (7) мы как бы получаем истинное обоснованное верование, которое сложно при этом признать знанием.

Мне представляется, что данная проблема также является мнимой. И более ясная ее переформулировка способна это проявить. Когда мы в обыденном языке формулируем (7), то мы зачастую имеем в виду одно из трех:

(7') Если в аппарат ввести 50 рублей, то он продаст кофе.

(7'') Если аппарат продал кофе, то в него ввели 50 рублей.

(7''') Аппарат продает кофе, если и только если в него ввести 50 рублей.

Последний вариант (7''') оказывается с очевидностью неудовлетворительным, т.к. не выводится из (i) или же подразумевает наличие еще одной (ложной) посылки, похожей на нечто вроде: (o) Если я ввожу в аппарат определенную сумму и он выдает мне кофе, то он продает его именно за эту сумму и никакую другую.

Вообще говоря, из (i) определенно следует (7'), поскольку он является практически переформулировкой (i)¹. При этом (7'') из (7') не следует, а значит, не следует и из (i), т.к. мы уже сказали, что (i) нельзя рассматривать как (7'''). Таким образом, если мы понимаем (7) как (7''), то при переходе от (i) совершаем ошибку. Получается, что в примере с кофемашиной мы можем говорить лишь о том, что обладаем знанием, что (7').

Но если так, то кажущаяся исходная проблематичность снимается, ибо знание (7') не столь претенциозно и не вступает в конфликт с тем обстоятельством, что нам может быть неизвестно, что кофемашина выдает кофе независимо от того, какую купюру в нее ввести.

Наше знание, что (7'), является тем, что нередко называется эмпирическим (опытным) знанием. Такое знание индуктивно и фальсифицируемо, в силу чего, конечно, есть основания сказать, что

(9) Я знаю, что если в аппарат ввести 50 рублей, то он продает кофе,

в рассматриваемом примере является ложным высказыванием. Ведь в случае эмпирически подтвержденного верования мы никогда не можем быть уверены, что в будущем оно не окажется ложным.

В таком случае мы, по-видимому, уже имеем дело с двумя различными подходами к пониманию знания: с одной стороны, оно понимается как абсолютное и тогда (8) ложно, с другой стороны, знание может пониматься и как эмпирически верифицированное, но при этом фальсифицируемое, высказывание или система высказываний, и тогда (8) может быть признано истинным.

Примечательно, что в случае с аргументацией Геттиера против понимания знания как обоснованного истинного верования сторонники обоих подходов к понятию знания (абсолютистского и верификационистского) предлагают ее сходную критику. Наиболее репрезентативными и последовательными, на мой взгляд, в этом отношении являются позиция А.Л. Никифорова, изложенная в статье [6], и позиция Г.К. Ольховикова, представленная в статье [7]. Авторы указанных работ предложили ясные критические аргументы и контрпримеры самому Геттиеру, указав на слабые или, по крайней мере, неоднозначные шаги в его рассуждении. Из представленной ими критики вытекало соответствующее понимание природы знания.

¹ И здесь мы предполагаем, что не совершаем ошибку *post hoc, ergo propter hoc*.

2. Проблема знания и философия науки

2.1. Знание без верования

Главным объектом критики Геттиера со стороны Никифорова (а также и со стороны Ольховикова) стало указание на то, что одна из посылок предлагаемого Геттиером аргумента оказывается ложной. То обстоятельство, что директор фирмы говорит Смиту неправду, по мнению Никифорова, опровергает утверждение Геттиера об обоснованности верования Смита. Никифоров прямо указывает: «Пример некорректен, ибо из неопределенного, а затем ставшего ложным высказывания выводится следствие, которое объявляется истинным» [6. С. 66].

Отчасти исходя из описанных выше проблем, отчасти в силу иных оснований Никифоров предлагает в качестве более удовлетворительного философско-научный подход к объяснению знания. Согласно этой концепции в изложении Никифорова, знание не должно исследоваться в терминах установления условий истинности предложений типа «S знает, что р». Под знанием же понимается то, «что выражается обоснованным, общезначимым, интерсубъективным предложением или системой таких предложений» [6. С. 63]. Иными словами, знание (индивида или, скорее, общества) – это то, что выражается предложениями, которые признаются носителями знания в качестве истинных и принимаемых в силу того, что были верифицированы в опыте.

Данная концепция имеет свои преимущества, особенно, по-видимому, в области философии науки, однако даются эти преимущества ценой, которая, по-видимому, является слишком высокой. Ведь принятие данной концепции делает возможным обсуждение истинных и ложных знаний, наличие никому не известного знания, сопоставление информации, которой обладали древние мифологи и космологи (например, о том, что Земля является плоской и стоит на трех слонах) и современные ученые, в терминах сопоставления знаний. Все это, в свою очередь, наталкивается на ряд методологических возражений, делающих принятие философско-научной концепции знания достаточно проблематичным (подробнее см., например, [8]). Главным же из них применительно к теме данной статьи следует, по-видимому, признать то, что при философско-научном подходе мы утрачиваем способность проводить достаточно четкое и однозначное различие между знанием и незнанием.

2.2. Теория пересмотра верований

Правда, наличие упомянутых сложностей в философско-научной концепции знания отнюдь не означает, что она не может иметь далеко идущих следствий. Если мы отказываемся от рассмотрения знания в абсолютистской терминологии и начинаем называть знанием тот фальсифицируемый и открытый для пересмотра комплекс верований, которым мы обладаем на текущий момент времени и в который верим, то мы можем даже построить логику развития знания и процесса его накопления. В качестве иллюстративного примера здесь можно рассмотреть так называемую концепцию «пересмотра верова-

ний» (belief revision), которую представляет Ярослав Шрамко в своей статье «Знания и убеждения: их развитие и критический пересмотр» [9].

Отправной точкой для данной исследовательской программы является тезис о том, что фундаментальным понятием эпистемологии следует считать не понятие знания, а понятие верования¹. Обосновывается данная позиция тем, что рассмотрение знания как основного предмета эпистемологии приводит к неоправданной «онтологизации» этой дисциплины, ведь обязательно присущая знанию истинность, утверждает Шрамко, связывает эпистемологию с онтологической проблематикой, например, о том, как обстоят дела на самом деле, с вопросом об адекватности знаний относительно реальности и т.д. Однако эпистемология, продолжает Шрамко, должна быть развита на собственной основе, коей является категория мнения или верования. Ведь «исходным пунктом познания всегда является не знание, а то или иное убеждение, и самое фундаментальное из них – *убеждение в собственном незнании*» [9. С. 5].

При такой картине процесс познания рассматривается «не как движение от незнания к знанию, а как смена одних убеждений другими, осуществляемая в ходе их перманентного *критического пересмотра*» [9. С. 6]. Концепция «пересмотра убеждений» в логике занимается построением когнитивных моделей, призванных отображать те способы, по которым осуществляется процесс развития знаний, и формулировать те правила, по которым осуществляется пересмотр убеждений. Основной методологический инструментарий такого рода теорий, согласно Шрамко, представлен понятиями расширения, сокращения и ревизии. Причем первое и последнее сводимы ко второму, что делает однозначное определение операции сокращения комплекса верований центральной задачей данной исследовательской программы.

Восходящий к Сократу исходный тезис познания, гласящий «я убежден в собственном незнании», становится, согласно Шрамко, водоразделом, отграничивающим в процессе познания знание от незнаний. Данный тезис оказывается в известной степени укорененным в имеющемся у нас комплексе верований и отказ от него происходит лишь при обретении субъектом знания.

Концепцию «ревизии верований» Шрамко называет перспективным направлением в современной логике и аналитической теории познания [9. С. 19], однако в случае стоящих перед нами задач, а именно объяснения природы знания, ее вряд ли можно признать таковой. Ведь если мы рассматриваем познавательный процесс как обретение верований, которые так или иначе модифицируют комплекс уже имевшихся у нас верований, то мы еще не говорим о знании и никак его не определяем. Сама данная картина вообще не содержит определения знания, а исключительно говорит об имеющихся верованиях. И терминология эпистемической укорененности вряд ли может рассматриваться в качестве эквивалента термину «знание».

Шрамко пишет, что обретаемое знание сразу же дисквалифицирует тезис «я убежден в собственном незнании», но как именно такое обретение может произойти, остается непонятным. Ведь в рамках обсуждаемой логики речь идет исключительно о приращении и ревизии верований.

¹ Шрамко использует термин «убеждение», но речь и у него и у меня идет о том, что по-английски обозначается термином «belief», для которого я использую термин «верование».

Из сказанного, как мне кажется, мы вынуждены заключить, что программа «ревизии верований» либо вовсе не приближает нас к пониманию природы знания, либо (если под знанием рассматривать весь комплекс имеющихся на данный момент верований) сталкивается с теми же методологическими препятствиями, что и философско-научная концепция, представленная Никифоровым и упомянутая выше.

3. Знание и обезвреживание контрпримеров

Ольховиков предлагает защищать классическую концепцию знания посредством введения поправки к предлагаемому в рамках этой концепции определению знания. Поправка эта заключается в требовании истинности всех элементов обоснования (субъект, соответственно, при этом должен верить в каждое высказывание, из которого состоит его обоснование). Если такую поправку ввести, то, считает Ольховиков, условиям этого определения контрпримеры Геттиера уже удовлетворять не будут.

В окончательной форме предлагаемое им определение знания выглядит так: «Пусть S есть множество обосновывающих переходов, признаваемых агентом a , и ни один элемент S не является S -избыточным. Тогда a знает, что X , если и только если для некоторых суждений $A_1, \dots, A_n$: (1) последовательность $A_1, \dots, A_n$, X является S -обоснованием; (2) все суждения, входящие в это обоснование, истинны; (3) если $B_1, \dots, B_k$ – список посылок, входящих в обоснование из (1), то a верит в каждое из суждений $B_1, \dots, B_k$ » [8. С. 52].

3.1. Контраргументы в духе Геттиера

Л.Д. Ламберов [10], критикуя статью Ольховикова, приводит два примера, призванные опровергнуть предложенное Ольховиковым определение знания, и обезвреживающее, по словам последнего, контрпримеры Геттиера. Эти примеры он называет контрпримерами «в духе» Геттиера. Они не длинные, и их можно процитировать в оригинальной форме:

(i) Предположим, некто Джек познакомился с молодой девушкой и назвался Эрнестом. Она не распознала его ложь. Более того, он произвел на девушку очень хорошее впечатление, и она решила, что может полюбить только такого человека, которого зовут Эрнест, а если кого-то зовут не Эрнест, то того она полюбить не может. Тем не менее ни Джек, ни эта девушка даже и не догадываются, что настоящее имя Джека как раз Эрнест. У обманутой девушки есть *истинное* и обоснованное убеждение, что молодого человека, которого она полюбила, зовут Эрнест. Знает ли она, что того самого обманщика Джека на самом деле называли Эрнестом?

(ii) Молодой человек пригласил к себе девушку под предлогом помочь ей решить контрольную работу по логике. Девушка (позволим себе это) знает, что в комнату этого молодого человека никто не может войти, кроме них двоих. Настает условный час, и она открывает дверь. В комнате темно, но она ясно различает силуэт человека, сидящего за столом. Девушка заключает, что

молодой человек находится в комнате. На самом же деле молодой человек не сидит за столом, он спрятался под ним, а силуэт – это слегка наряженный скелет, который должен стать инструментом его грубой шутки. У девушки есть истинное и обоснованное убеждение, что молодой человек находится в комнате. Но знает ли она это?

Ламберов считает, если я его правильно понимаю, что в этих примерах ложных посылок нет. Но даже если так, то в этих примерах, как указывает Ольховиков в своей реакции на эту критику [11], нет вообще-то и истинных посылок, поскольку вообще нет ясно сформулированных аргументов. При этом Ламберов запрещает приписывать героям своих примеров (девушкам-субъектам знания/незнания) веру в дополнительные послылки, которые сделали бы его контрпримеры некорректными. Так, Ламберов пишет: «Задним числом можно выдумывать такие дополнительные послылки (и ложные, и истинные) сколько угодно» [10. С. 86]. Он считает, что подобные введенные послылки имеют характер *ad hoc* и поэтому недопустимы при рассмотрении его примеров.

Ольховиков, в свою очередь, указывает, что в результате данного запрета его критик вообще не приводит ни одного целостного аргумента (обоснования), которое было бы контрпримером сформулированному определению. Более того, Ольховиков предлагает общую схему для всех сходных контраргументов и утверждает, что по этой схеме контрпример его определению понятия знания привести нельзя. Приведем эту схему целиком:

(C1) Агент *a* в разговоре с агентом *b* делает некое утверждение *p*, считая его ложным. Агент *b*, поверив этому утверждению, начинает считать *p* истинным. Однако *a* ошибался, считая *p* ложным; в действительности *p* истинно. В таком случае *b* прав, считая *p* истинным, однако кажется весьма вероятным, что *b* не знает, что *p* [11. С. 99].

Данная схема, как кажется, несколько упрощает ситуацию, предложенную Геттиером и отстаиваемую Ламберовым. Ведь в таком виде речь идет лишь о том, что кто-то поверил обманщику и потом это верование случайно оказалось истинным. Мне кажется, что более точно указанные примеры отражает схема, которая учитывает, что *b* делает из *p* вывод *p*₁, который потом оказывается истинным. К тому же фактор наличия у *a* намерения ввести *b* в заблуждение здесь, в общем-то, нерелевантен. Поэтому более адекватной представляется несколько иная схема. Но прежде чем я приведу такую альтернативную схему, я бы хотел сделать еще одно замечание. Приведенные Ламберовым примеры Джека/Эрнеста и логика-шутника не являются структурно идентичными, поскольку то, что можно было бы приравнять к формулируемому утверждению *p*, в первом случае является истинным, а во втором – ложным. Однако знание, как утверждает Ламберов, девушке приписать нельзя в любом из двух случаев.

Итак, вот схема контраргументов в духе Геттиера:

(C2) Агент *a* при общении с агентом *b* делает некое утверждение *p*. Агент *b*, поверив этому утверждению, начинает считать, что *p*, и далее делает из *p* вывод *p*₁ и, соответственно, также считает, что *p*₁. Однако истинностное значение *p* на самом деле оказывается не тем, которым его изначально считал *a*, при этом вывод *p*₁ оказывается истинным. Если так, то агенту *b*, считающему, что *p*₁, нельзя приписать знания, что *p*₁.

Данная схема, как кажется, учитывает различие в двух примерах, приведенных Ламберовым. Однако даже с учетом этих уточнений создается впечатление, что определение знания Ольховикова остается неуязвимым. Чтобы это показать наглядным образом, мне придется пренебречь запретом Ламберова и достроить описанные им ситуации так, чтобы они внешне выглядели аргументами.

Обоснование, которым может обладать девушка из примера (i) в том виде, в котором его представил Ламберов, может выглядеть так:

- (1) Молодой человек говорит, что его зовут Джек.
- (2) Его зовут Джек (из 1).
- (3) Я его люблю.
- (4) Я люблю человека, обладающего именем Джек (из 2, 3).

Однако очевидно, что (2) с необходимостью не следует из (1) даже не в дедуктивном, а в самом обыденном (интуитивном) понимании вывода. Поэтому данное рассуждение, если рассматривать его без добавления каких-либо посылок, сразу кажется необоснованным и содержащим ошибку¹. Очевидным дополнением здесь представляется посылка

(0) Если молодой человек говорит, что его зовут Джек, то его зовут Джек.

Однако ложность данной посылки не вызывает сомнений. Является ли при этом данная посылка «надуманной» и «приставленной *ad hoc*» с тем, чтобы намеренно защитить определение Ольховикова и опровергнуть Ламберова? Мне кажется, что нет, ибо ее добавление диктуется исключительно стремлением сделать (2) и, соответственно, аргумент в целом обоснованным. Но если мы добавляем эту посылку, то общий аргумент перестает удовлетворять условиям, сформулированным Ольховиковым, – в него закрадывается ложная посылка. Таким образом, по-видимому, следует согласиться с Ольховиковым в том, что на основе аргументов, построенных по описанной им схеме C1 или по более уточненной схеме C2, нельзя сгенерировать контрпримеры к сформулированному им определению знания.

Кроме этого, следует заметить, что истинность или ложность высказывания *p*, сообщаемого субъектом *a* субъекту *b*, оказывается также нерелевантной применительно к проблеме знания. Как показывает анализ контрприме-

¹ Быть может, именно поэтому Ламберов считает, что проблема знания сводится к проблеме обоснования.

ров к определению Ольховикова, проблема заключается даже не столько в ложности p , сколько в ложности предполагаемой субъектом b посылки: ложно ли p , истинно ли – на основании того, что кто-то сообщил, что p , нельзя заключать, что p . Субъект b не получает знания, что p , в любом случае.

3.2. Контрпример в духе Голдмана

Приведенная выше критика, как мне кажется, позволяет усмотреть и порочность другой попытки «спасти» позицию Геттиера, а именно контрпримеров в духе А. Голдмана (см., например, [12, 13]). По мнению Е.В. Востриковой [14], а также А.Ю. Антоновского [15], данные контрпримеры преодолевают требование истинности посылок обоснования, позволяя сгенерировать ситуацию незнания даже при соблюдении этого требования. Вот как иллюстрирует подобного рода ситуацию Вострикова:

Я рассматриваю витрины продуктового магазина и на основании своего опыта восприятия заключаю, что здесь лежат яблоки, бананы и виноград. Тем не менее на самом деле настоящими на витрине являются только яблоки, а остальные фрукты представляют собой искусно сделанный муляж. Мое убеждение о яблоках было истинным, но я бы пришла к нему даже если яблоки были бы поддельными [14. С. 56].

Антоновский в этом отношении поясняет, что данный контрпример иллюстрирует случай не выводимого знания, а знания «в силу факта непосредственного восприятия того или иного обстоятельства» [15. С. 104].

Однако исходя из вышеприведенных соображений, ответить на возражение в духе Голдмана представляется не столь сложным. Если достроить данный пример до полноценного аргумента (чего, кстати, наряду с Ламберовым, не делают ни Вострикова, ни Антоновский), то анализ его исходной посылки будет очень схож с проведенным выше анализом высказывания (7) в примере с кофемашиной. Получающийся в результате аргумент будет либо некорректным, либо индуктивным, что, как уже было показано, не может рассматриваться как аргумент против классического определения знания.

В примерах в духе Голдмана есть также нечто общее с контрпримером (i) Ламберова, а именно то, что верование субъекта (в данном случае относительно подлинности яблок) оказывается истинным. Это в некотором смысле может создавать видимость того, что все посылки в рамках соответствующего аргумента должны оказаться истинными. Однако, как было показано выше, это не так. Как бы именно ни выглядел тот аргумент, который имеют на уме Голдман, Вострикова и Антоновский, его посылка «Если я имею чувственный опыт восприятия, такой что он феноменально не отличим от опыта восприятия яблок, то, значит, я воспринимаю именно яблоки» (или какой-либо иной ее вариант) всегда будет ложной.

Попытка «упрятать» ложную посылку «поглубже» в обоснование не может быть признана удовлетворительной.

4. Знание и экстернализм

4.1. Проблема экстерналистского обоснования

Даже если признать обоснованной критику Геттиера Никифоровым и Ольховиковым, а контрпримеры Геттиера проблематичными, то тем не менее может создаться впечатление того, что в этих контраргументах все же остается нечто важное, что относится к проблеме знания. Конкретно я имею в виду следующее: даже если знание определяется как истинное и обоснованное верование, где все входящие в обоснование высказывания являются истинными и субъект верит в каждое из них, то, тем не менее, кажется, что мы никогда не можем быть уверены, что обладаем знанием, и не уподобляемся Смиту из описанной Геттиером ситуации. Ведь наша вера в истинность высказываний в нашем обосновании сама по себе еще не делает их истинными.

Получается как бы, что для обладания знанием, что *p*, нужно, чтобы высказывания в рамках имеющегося обоснования были истинными. А поскольку истинностное значение тех или иных высказываний не зависит ни от нашего желания, ни от веры в их истинность, то выходит, что наличие у субъекта знания, что *p*, оказывается зависимым от внешних для этого субъекта и независимых от него факторов¹. Данное следствие из контрпримеров Геттиера породило целое направление в эпистемологии, называемое иногда экстернализмом относительно знания.

Никифоров в шутливой форме иллюстрирует эту особенность экстерналистского подхода к знанию:

Допустим, у Смита есть основания верить в истинность конъюнкции:

(К) Джонс получит работу и Джонс пьян.

(Он видит, что Джонс едва держится на ногах.) Из этой конъюнкции он делает вывод:

(С) Работу получит человек, который пьян.

Верить в (С) у Смита столько же оснований, как и верить в (К).

Вообразим теперь, скажем, мы вместе с Геттиером, что работу, как и было решено, дали Джонсу, но он успел проспаться и протрезвел. Тогда оказывается: (С) ложно (Джонс-то трезв); Смит верит, что (С) истинно; у Смита есть основания верить, что (С) истинно. Ясно, что поскольку первое условие нарушено, Смит *не знает*, что (С). Однако не все потеряно: он может поднести Джонсу стакан виски, чтобы Джонс опять сделался пьян, и тогда условие «(С) истинно» будет выполнено. И тогда можно будет сказать: Смит *знает*, что (С) [6. С. 66]!

Как видно из данного примера, зависимость истинности тех или иных высказываний от внешних, не зависящих от субъекта и не данных ему непосредственным образом факторов – лишь отправная точка экстерналистской программы. Главным же образом она связана с вопросом о природе обоснования.

¹ Ср. сходные и упоминавшиеся выше замечания Шрамко по этому поводу.

Вострикова в цитируемой выше статье предлагает достаточно обстоятельное рассмотрение основных аспектов экстернализма в эпистемологии, философии сознания и семантике. Она указывает, что, с точки зрения экстерналиста, для достаточного обоснования верования мало только внутренних для субъекта факторов – нужны еще и внешние факторы. Таковыми являются, например, наличие каузальной связи между фактом и верованием субъекта¹. Иными словами, для того чтобы обладать знанием, субъекту нужно находиться в правильном отношении к окружающей среде.

То обстоятельство, что сам субъект при этом может и не догадываться о пребывании в таком «правильном» отношении и, соответственно, не отдавать себе отчета о том, что обладает тем или иным знанием, по мнению экстерналистов, является отдельным достоинством их теории. Ведь в таком случае мы получаем возможность приписывать знание людям, не обладающим способностями или навыками теоретизирования, или животным: старушка, не знающая ничего о химии или биологии, при этом знает, как консервировать огурцы, а собака знает, например, что огонь опасен. И поэтому экстерналисты утверждают, что их теория, допускающая, что «убеждение может быть обоснованным, даже если субъект не имеет об этом никакого понятия» [14. С. 57], предоставляет «больше возможностей для ответа на скептические сомнения относительно возможности познания внешнего мира, поскольку связывает убеждения непосредственно с фактами внешнего мира» [14. С. 58].

Однако в качестве одной из основных сложностей экстернализма Вострикова видит то, что эта концепция может рассматриваться как одна из форм скептицизма относительно знания: «...фактически экстерналист нам предлагает знание, которое мы не способны отличить от незнания» [14. С. 59]. В качестве иллюстрации она приводит контрпример, сформулированный американским философом К. Лерером: «Представим себе человека, в мозг которого было вживлено без его ведома специальное устройство, продуцирующее в его голове правильные убеждения о температуре воздуха. Убеждения этого человека удовлетворяют всем условиям экстернализма относительно знания. Тем не менее они не являются знанием, так как он просто принимает эту информацию, но не знает, что она является истинной, поскольку ему ничего не известно о том, почему эти убеждения должны быть скорее истинными, чем нет» [14. С. 59].

Если так, то экстернализм, по мнению Востриковой, в силу его скептицистского характера, никак нельзя признать удовлетворительной концепцией, объясняющей природу обоснования и, соответственно, природу знания.

Разумеется, существует и целый ряд аргументов в поддержку экстернализма. Противостояние экстернализма и интернализма, по-видимому, вообще является одной из специфических характеристик современной философии. Но, как мне кажется, применительно к нашей теме Никифоров и Вострикова фиксируют одно весьма важное обстоятельство: обоснование сложно считать удовлетворительным для приписывания субъекту знания, если оно (обосно-

¹ Есть и другие виды экстернализма, в которых корректность обоснования аргумента может детерминироваться и другими внешними по отношению к субъекту факторами: социальной конвенцией, контекстом, когнитивными событиями внутри его организма и их связями и т.д.

вание) остается недоступным для самого субъекта (или является ему не данным некоторым непосредственным образом).

4.2. Знание и недедуктивное обоснование

Проведя данное рассмотрение природы экстернализма относительно знания, вернемся вновь к статье Ольховикова и определению знания как истинного обоснованного верования, где в обосновании все высказывания должны быть истинными.

Сам Ольховиков явно не формулирует требования дедуктивности обоснования, используемого субъектом знания. Из его текста в этом отношении с достоверностью следует лишь то, что субъект иногда может использовать в обосновании и недедуктивные переходы и в силу ограниченности своих дедуктивных способностей не признать в качестве таковых некоторые дедуктивные переходы, вследствие чего признать их неподходящими.

Специфическая особенность этой позиции Ольховикова, которую, как мне кажется, не вполне явно отражает его собственный текст, заключается в том, что требования истинности посылок и дедуктивной обоснованности аргумента оказываются подразумевающими друг друга. Можно предложить, конечно, обоснование, состоящее из недедуктивной последовательности истинных высказываний, однако корректным оно будет лишь в том случае, если его можно будет «достроить» до дедуктивной формы, введя в него пропущенные, но все же подразумеваемые в качестве истинных (и истинные на самом деле) высказывания. В противном случае мы, похоже, всегда будем сталкиваться либо с проблемой некорректного вывода в обосновании, либо с проблемой незримо присутствующих ложных посылок, как это было показано выше. И мне кажется, что нельзя построить согласованное обоснование, которое противоречило бы правилам дедуктивного вывода и не содержало бы при этом скрытых ложных посылок.

Если так, то получается, что допускаемая Ольховиковым (и также Ламберовым) недедуктивность обоснования должна пониматься исключительно в терминах непредставленности всех релевантных шагов в конечном счете дедуктивного аргумента. В связи с этим мне представляется допустимым дополнить аргумент Ольховикова указанием на то, что используемое субъектом знания обоснование должно быть доступным для дедуктивной формулировки (допустим, посредством добавления пропускаемых шагов) для того, чтобы можно было сказать, что субъект обладает знанием.

Такое дополнение, однако, ставит следующий вопрос: можно ли приписать субъекту знание, если он использует обоснование, которое является недедуктивным, но переводимым в таковое посредством несложных и достаточно очевидных дополнений, которые, однако, остаются не замечаемыми самим субъектом?

Рассмотрим следующий пример. Какой-нибудь самоуверенный демагог и профан в вопросах корректного обоснования, нередко формулирующий некорректные аргументы, вдруг (случайно) формулирует такой, который является корректным. Такое может быть, например, в случае с соритом:

Все диктатуры являются недемократическими.
Все недемократические правительства нестабильны.
Все нестабильные правительства жестоки.
Все жестокие правительства являются объектами ненависти.
Все диктатуры являются объектами ненависти¹.

При этом наш субъект может верить в каждую отдельную посылку этого аргумента, считая ее истинной, аргумент является дедуктивным (с учетом пропущенных шагов). Но если он неспособен усмотреть дедуктивность аргумента, ибо его дедуктивные способности крайне низки, то можно ли приписывать ему знание заключения?

Если мы отвечаем на этот вопрос утвердительно, то для большинства субъектов с ограниченными дедуктивными способностями (как знакомых с теорией аргументации, так и нет), возможность приписать им знание опять же окажется зависимой от внешних и не данных им обстоятельств – возможности дедуктивной переформулировки используемого ими обоснования. А это есть ничто иное, как одна из форм экстернализма, позиция которого была выше признана неудовлетворительной.

Если же мы отвечаем на поставленные вопросы отрицательно, отказывая субъекту в знании в тех случаях, когда он не способен сформулировать своего обоснования в дедуктивной форме, то мы вынуждены признать, что случаи знания оказываются крайне редкими. Пожалуй, даже более редкими, чем говорит нам интуиция, изначально подталкивающая нас к исследованию природы этого понятия.

5. Неклассическая эпистемология

5.1. Понятие знания и обыденное употребление

Аргументация Ламберова против Ольховикова наводит на важный вопрос, о котором упоминает и сам Ламберов: как нам быть со всеми теми эпистемическими состояниями, которые мы привыкли считать знанием и зачастую называем этим термином, но которые, с точки зрения суровых критериев классической эпистемологии, не могут считаться таковым? Ведь получается, что даже в обычной ситуации, когда молодой человек (честно) сообщает девушке свое имя, а она, заключая, что любит человека с таким-то именем, все равно не обретает знания.

Однако мы все же в обыденной жизни зачастую описываем подобные случаи как случаи знания. Мы, например, можем про кого-то сказать, что она – единственный человек, кто знает, как зовут такого-то и такого-то субъекта. В общем-то в большинстве подобных случаев обладаемая этим человеком информация имеет сходное происхождение, как и то обоснование, которым руководствуются девушки из примеров Ламберова.

И здесь возникает проблема: можно ли признать удовлетворительным философское определение знания, подобное определению Ольховикова

¹ Пример заимствован мной из [16. С. 147].

(пусть оно и избегает контрпримеров), если этому определению не соответствует подавляющее большинство обыденных употреблений этого термина? Ведь изначально проблема формулируется именно в обыденном языке, который является отправной точкой исследования и который в известной степени задает само исследовательское пространство. Иными словами, можно ли признать защищаемое Ольховиковым классическое определение знания как обоснованного истинного мнения практически удовлетворительным?

Ни Ольховиков, ни Ламберов в достаточной степени не распространяются по этому вопросу. Однако ряд актуальных соображений по этой теме формулируют И.Т. Касавин в своей социально-эпистемологической исследовательской программе, а также А.З. Черняк в рамках разрабатываемой им теории общего функционализма относительно знания, которая представлена им в статье «Знание как функция» [20]. Ниже я рассмотрю основные постулаты социально-эпистемологического подхода и функционалистской интерпретации знания, а также обсужу их удовлетворительность применительно к вопросу о природе пропозиционального знания. При этом каждый из рассмотренных ниже подходов может быть рассмотрен как вид так называемой неклассической эпистемологии.

5.2. Знание в проекте социальной эпистемологии

И.Т. Касавин предлагает предельное широкое и всеохватывающее определение концепции знания. Согласно его позиции, оно является формой социальной и индивидуальной памяти, а также результатом структурирования и осмысления объекта в процессе познания (см. [18. С. 244]). Это делается им осознанно, поскольку, согласно его позиции, определение данного понятия должно включать в себя, помимо «эпистемологического», также «социально-философский» и «культурно-антропологический» аспекты. Именно такая установка, считает Касавин, позволит дать полное философское определение понятия знания.

Противопоставляя свою концепцию философско-научному определению знания, предложенному Никифоровым, Касавин говорит о важности отнесения в объем понятия знания также и всей истории до- и вненаучного познания, и именно на этом основывает свой призыв ослабить эпистемические критерии исследования [19. С. 82–83]¹. Таким образом, знанием или носителями когнитивного содержания становятся «все человеческие артефакты, или объективации» [19. С. 83].

Разумеется, данная исследовательская программа обладает своими преимуществами: мы действительно зачастую считаем, что те же древние рукописи, о которых упоминает Касавин, способны нести в себе или воспроизводить целые массивы того, что тоже иногда можно называть знанием, даже если содержание этих рукописей будет противоречивым и, следовательно, всегда ложным. Однако для исследования природы пропозиционального знания она вряд ли может оказаться удовлетворительной. Ведь, во-первых, для

¹ Хотя лично мне не кажется, что Никифоров выступил бы против такого проекта, особенно если речь идет об обыденном употреблении термина «знание».

определения того, знает ли субъект высказывание, *что p*, факторы социального или культурного происхождения субъекта, равно как, скажем, и то, в предложениях какого языка выражено это высказывание, оказываются нерелевантными. Во-вторых, в случае с пропозициональным знанием социально-эпистемологический подход, похоже, вообще не дает нам возможности отличать знание от незнания. Ведь даже ложное убеждение, сформулированное субъектом в предложении (и, следовательно, объективированное, согласно критериям Касавина), оказывается содержащим некоторое знание. Получается, что, даже заблуждаясь, мы что-то знаем. Такой подход сложно признать проясняющим природу знания в интересующем нас отношении.

5.3. Концепция общего функционализма

Отправной точкой исследования Черняка является постановка двух вопросов: (1) Насколько важна задача придания знанию фиксированного определения и, соответственно, конкретной формы? (2) Почему вообще обоснованное верование, как отношение субъекта к истине, должно считаться приоритетной эпистемической позицией (и, соответственно, считаться знанием) по сравнению с другими возможными позициями (отношениями)?

По первому вопросу Черняк указывает, что наличия у знания формы требует только классическая (веритистская) эпистемология. Однако, помимо нее, существуют и другие альтернативные программы: конвенционализм, инструментализм и др. С их позиции (и этим они отличаются от классического веритизма) вопрос о том, что мы знаем, может быть решен отдельно от вопроса о том, что такое знание. Эту установку разделяет и сам Черняк.

Рассуждая о втором вопросе, Черняк предлагает рассмотреть пример студента, который, сдавая экзамен, должен ответить на вопрос «*p?*» и использует для этого конспект лекций другого студента, в результате чего делает выбор в пользу такого-то и такого-то ответа. Собственного обоснования для ответа у него нет, но ответ оказывается правильным, и студент получает тому подтверждение от надежного источника – преподавателя. Зная, что данный ответ правильный, студент до конца своих дней может так и не позаботиться о том, чтобы, получив достаточно дополнительных свидетельств, увеличить свое доверие к данному вопросу. Но, несмотря на это, будучи уверенным, что сформулированный им на экзамене ответ является правильным на вопрос «*p?*», он может так и сохранить этот способ ответа и использовать его в дальнейших аналогичных ситуациях.

Итак, если эта выработанная студентом способность может трактоваться как его эпистемическое достижение относительного некоторого имеющегося комплекса задач, то ее вполне можно считать знанием. «Функции знания», пишет Черняк «в конкретных условиях определяются тем, какие комплексы задач действительно требуют систематического решения данным субъектом... чем больше задач, требующих взаимодействия с неким предметом *x* или относящихся к *x*, субъект способен решать, тем больше оснований приписывать ему знание этого предмета» [20. С. 78].

Свой функционалистский подход Черняк формулирует и в более систематических терминах. Тезис функционализма позволяет считать знанием лю-

бую информацию X, если есть такая функция F, выполнение которой обеспечивается главным образом посредством X. Таким образом, знание становится функцией, отвечающей эпистемическим нуждам системы, безотносительно способов репрезентации, присущих X. Иными словами, «последовательный функционалист относительно знания не обязан... поддерживать какую-то определенную формальную концепцию знания. ...Знание есть, прежде всего, функция, отвечающая эпистемическим нуждам системы, которой может быть... любой субъект познания» [20. С. 75]. Таким образом, знанием, согласно позиции Черняка, может быть признана всякая превосходная в соответствующем контексте эпистемическая позиция субъекта по отношению к истине.

Черняк признает присущий данному подходу крайний релятивизм, однако в качестве его оправдания приводит то обстоятельство, что к приоритетным задачам эпистемологии следует относить скорее представление ориентиров эпистемической рациональности и образцов знания, нежели предложение определения знания в универсалистских терминах. И если так, то предлагаемый им функционалистский подход, заключает он, выглядит весьма адекватным.

Если такая или примерно такая позиция становится результатом обобщенного анализа знания, учитывающего как «классические» случаи знания, так и все остальные, о которых упоминает Ламберов в своей статье, то я хотел бы сформулировать для такой программы некоторые возражения. Надеюсь, что, изначально будучи ориентированными на концепцию Черняка, эти возражения смогут быть применимы к другим подобным теориям.

Недостатком общего функционализма Черняка, на мой взгляд, является то, что эта позиция, похоже, приводит к тому, что подход к знанию начинает флуктуировать между, с одной стороны, крайним релятивизмом (или субъективизмом), более сильным, чем даже тот, который готов допустить сам Черняк, и, с другой стороны, экстернализмом. Обе альтернативы не удовлетворительны, поскольку ведут к скептицизму относительно знания.

Согласно общему функционализму, ту степень, в которой выполнение функции F обеспечивается информацией X, определяет либо индивид, либо сообщество. Иными словами, субъект или сообщество определяет ту успешность, с которой соответствующая эпистемическая позиция отвечает имеющимся практическим интересам. Но если каждый субъект сам задает эту успешность и, соответственно, критерии знания, то становится сложно говорить о знании как о чем-то интерсубъективном. Это, на мой взгляд, является совершенно неудовлетворительным результатом в большом числе релевантных проблемных ситуаций. Если же критерии знания диктуются сообществом, т.е. внешней по отношению к индивиду инстанцией, то соответствие этому критерию тех или иных его отношений к истине может квалифицироваться как знание безотносительно осознания этого обстоятельства самим индивидом, что приводит к экстернализму.

Если сказанное верно, то теории знания, выдвигающиеся в качестве альтернативных классической эпистемологии, сталкиваются с проблемами методологического характера и поэтому вряд ли могут, в общем, считаться предпочтительными по сравнению с классической теорией.

6. Предварительные итоги

Попробуем подытожить то, что мы имеем после всех проведенных выше обсуждений. Во-первых, философско-научный подход к знанию, равно как и неклассическая эпистемология, не позволяют в достаточной мере различать знание и незнание, ибо их неотъемлемым атрибутом становится релятивизм или экстернализм. В результате они ведут к скептицизму относительно знания и поэтому должны быть признаны неудовлетворительными и не объясняющими природу этого понятия. Во-вторых, классическая концепция оказывается способной дать знанию определение и отличать его от незнания, однако данное определение выносит за скобки многие случаи употребления слова «знание» в естественном языке и поэтому кажется не вполне удовлетворительным в практическом смысле.

Впрочем, если мы хотим сохранить строгость и непротиворечивость своей позиции по отношению к понятию знания, мы можем принять классическую установку и не признавать в качестве знания все остальные (не удовлетворяющие ей) случаи употребления этого понятия в естественном языке. С философской точки зрения такая позиция представляется вполне допустимой.

Отдельным доводом в ее пользу может послужить то обстоятельство, что она не обязана относиться к обвинениям в неучитывании многих случаев использования слова «знание» в естественном языке, как к чему-то для себя критическому. Мне кажется, что сторонник классической концепции знания на упомянутые возражения всегда может ответить, сказав, что в естественном языке вообще нет необходимости в получении строгого определения знания. Черняк как один из представителей неклассической эпистемологии говорит, что мы можем указать на случаи знания, не определяя само это понятие в строгой форме. Однако сторонник классической теории может сказать относительно естественного языка, что в его рамках нам не удастся в строгом смысле даже указать и на случаи знания. Естественный язык зачастую позволяет рассматривать один и тот же случай некоторого эпистемического состояния как случай знания, так и как случай незнания. Поэтому задача адекватного и полного отображения случаев знания в естественном языке представляется изначально невыполнимой не только для классической теории знания, но и для любой другой.

7. Знание и достоверность

Но все же мне кажется, что описанная стратегия не единственная из тех, которые могут оказаться здесь предпочтительными. Если обратиться к истории философии, в частности, к концепции Аристотеля, то в ней можно усмотреть еще одно понятие, нередко связываемое со знанием, которое не получило должного обсуждения в рассмотренных выше дискуссиях. Речь идет о понятии достоверности.

Концепция знания Аристотеля, представленная, в частности, во «Второй аналитике», говорит о знании посредством доказательства, а также о знании недоказуемых, но достоверных посылок. При этом то, что доказано, также

является достоверным, однако в меньшей степени, чем то, из чего оно выводится. Аристотель пишет: «...если мы через первые [посылки] знаем [заключение] и считаем [его] достоверным, то мы знаем их больше и считаем их более достоверными [чем заключение], ибо через них мы знаем и считаем достоверным также и последующее» [21. С. 261].

Опираясь на Аристотеля, мы можем дополнить наше понимание знания требованием достоверности. На первый взгляд, кажется, что понятие достоверности могло бы стать тем критерием знания, который позволил бы огрaдить знание от рассмотренных угроз релятивизма, экстернализма и вытекающего из них скептицизма, а также, быть может, и пролить свет на тот более широкий круг случаев употребления термина «знание», на который не распространяется классическое определение.

Однако само по себе понятие достоверности вовсе не дано нам вполне достоверным образом. Его экспликация требует достаточно обстоятельного анализа, который смог бы показать, действительно ли оно смогло бы поспособствовать решению вопроса о природе знания или же его введение стало бы лишь передачей горячей картошки из одних рук в другие без реального решения стоящей проблемы. Такой анализ, быть может, смог бы продемонстрировать и то, что наша проблема является изначально некорректно сформулированной. Конкретно я имею в виду следующее.

Достоверность можно определить в терминах, изначально не подразумевающих понятия знания. В частности, если я что-то знаю, т.е. имею достоверное обоснованное истинное верование, то кажется, что я должен одновременно и *знать* о том, что имею само это верование. Однако знать о чем-то и знать о знании о чем-то не одно и то же. Рассмотрим два предложения:

- (1) S знает, что p.
- (2) S знает, что он знает, что p.

Эти два предложения не эквивалентны: их условия истинности разные, и если из (2) следует (1), то обратной зависимости, кажется, нет. Иначе был бы обоснован переход от

- (3) p

к (1), что кажется абсурдным.

Однако наше обыденное понимание знания и достоверности и употребление данных терминов в естественном языке, похоже, нередко подразумевают осуществимость перехода от (1) к (2). И если так, то тогда вопрос о природе знания, по-видимому, изначально будет обречен на то, чтобы остаться без ответа.

Как бы то в итоге ни оказалось, мне представляется, что исследование понятия достоверности является одним из тех направлений, которые обеспечивают прогресс в исследовании природы знания.

Литература

1. *Gettier E.* Is Justified True Belief Knowledge? // *Analysis*. 1963. Vol. 23. P. 121–123.
2. *Quine W.V.* Quantifiers and Propositional Attitudes // *Quine W.V.* The Ways of Paradox and Other Essays. Cambridge, 1966. P. 185–196.
3. *Quine W.V.* Reference and Modality // *L. Linsky (ed.) Reference and Modality*. Oxford, 1971.
4. *Куслий П.С.* Референция единичных терминов // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2009. №4 (8). С. 5–21.
5. *Куслий П.С.* Нетавтологические тождества и проблема взаимозаменимости // *Философия науки*. 2010. № 15. С. 38–45.
6. *Никифоров А.Л.* Анализ понятия знания: подходы и проблемы // *Эпистемология & философия науки*. 2009. № 3. С. 61–73.
7. *Ольховиков Г.К.* Знание как истинное и обоснованное мнение: как обезвредить контр-примеры // *Логос*. 2009. № 2 (70). С. 44–53.
8. *Вострикова Е.В.* Является ли знание обоснованным высказыванием? // *Эпистемология & философия науки*. 2009. № 3. С. 85–88.
9. *Шрамко Я.В.* Знания и убеждения: их развитие и критический пересмотр // *Философия науки*. 2005. № 1 (24). С. 3–19.
10. *Ламберов Л.Д.* Как важно быть серьезным: о некоторых критиках Геттиера // *Эпистемология & философия науки*. 2010. Т. 26, № 4. С. 84–90.
11. *Ольховиков Г.К.* О реальных и мнимых недостатках определения знания как истинного и обоснованного мнения // *Эпистемология & философия науки*. 2010. Т. 26, № 4. С. 91–100.
12. *Goldmann A.* Discrimination and Perceptual Knowledge // *The Journal of Philosophy*. 1976, №3. P. 771–791.
13. *Goldman A.* What Is Justified Belief? // *Epistemology* // Ed. E. Sosa, J. Kim. Massachusetts; Oxford, 2000.
14. *Вострикова Е.В.* Знание и каузальное обоснование // *Логос*. 2009. № 2 (70). С. 54–66.
15. *Антоновский А.Ю.* Семантический контекстуализм и проблема нестандартного определения знания // *Эпистемология & философия науки*. 2010. Т. 26, № 4. С. 101–118.
16. *Козн Р., Нагель Э.* Введение в логику и научный метод. Челябинск, 2010.
17. *Касавин И.Т.* Текст, дискурс, контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М., 2008.
18. *Касавин И.Т.* Знание // *Энциклопедия по эпистемологии и философии науки*. М., 2010. С. 244–246.
19. *Касавин И.Т.* Что недостаточно знать о знании // *Эпистемология & философия науки*. 2009. Т. 21, № 3. С. 81–84.
20. *Черняк А.З.* Знание как функция // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2009. № 4 (8). С. 69–80.
21. *Аристотель.* Вторая аналитика. I, 2, 72a 31-34 // *Сочинения: В 4 т.* Т. 2. М., 1978.